

² Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера: Критический анализ / К.А. Свасьян. Ереван, 1989. С.24.

³ Skidelsky E. Ernst Cassirer: the last philosopher of culture / E. Skidelsky. Princeton, 2008. P.105.

⁴ Верен Д.Ф. Кант, Гегель и Кассирер. Происхождение философии символических форм / Д.Ф. Верен // Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997. С.405.

⁵ Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. / Э. Кассирер. М.; СПб., 2002. Т.3. С.8.

⁶ Krois J.M. Cassirer, symbolic forms and history / J.M. Krois. New Haven, 1987. P.78.

⁷ Кассирер Э. Философия символических форм. Т.2. С.10.

⁸ Skidelsky E. Op. cit. P.107.

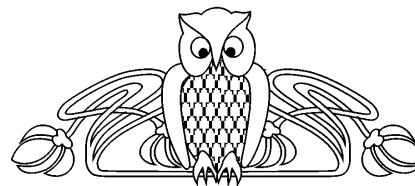
⁹ Кассирер Э. Указ. соч. Т.2. С.11–12.

УДК 165

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КАТЕГОРИИ «Я»

Б.В. Кулапин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: kulapin@rambler.ru

В статье анализируется категория «Я», выделяются ее феноменологические свойства. Каждое свойство «Я» (процессуальность, определенность, самоопределенность, принципиальная оппозиционность) одновременно является актом, проживая который, «Я» выполняет свою позитивную программу. Анализ этих свойств позволяет сказать, что «Я» – сложный структурный объект.

Ключевые слова: «Я», «не-Я», Dasein, феномен, экзистирование, процессуальность, определенность, самоопределенность, принципиальная оппозиционность.

Phenomenology's Properties of Category «I»

B.V. Kulapin

This article is analyze category «I» and show the its property. Every «I»'s property (processing, defining, myself-defining, the principle opposition) is an act and when «I» executing this act «I» executing it's positive program. When author is analyzing this property, he analyzing «I» like difficult structure object.

Key words: «I», «not-I», Dasein, phenomena, existencing, processing, defining, myself-defining, the principle opposition.

Философская мысль неоднократно обращалась к проблеме «Я» и «не-Я», постоянно выдвигая аргументы для новых ее толкований. Более того, поскольку философствование как процесс реализуется через призму интерпретатора, соотносясь с окружающим его миром, рассмотрение проблемы «Я» и «не-Я» может быть тождественно рассмотрению сути философствования. В статье «Я» М.А. Можейко в этой связи выдвигает следующую мысль: «Экспликация эволюции содержания категории “Я” фактически была бы изоморфна реконструкции историко-философской традиции в целом»¹. Пожалуй, то же самое можно сказать и о бинарном антипode

– «не-Я». «Я» всегда и понимается в контексте оппозиционности своему антиподу «не-Я». Вся деятельность «Я» является оправданием себя как «Я». При этом категории «Я» и «не-Я» являются бинарной парой, в которой существование одного компонента без другого невозможно и доказательство правомерности «быть» строится в противовесе «быть не таким как другой».

Остановимся на феноменологических свойствах «Я». Опираясь на опыт философской мысли и рассмотрев «Я» как сложный объект, следует отметить наиболее существенные присущие данной категории черты, такие как процессуальность, определенность, самоопределенность, а также принципиальная оппозиционность. Эти признаки имеют как общее значение, которое может быть применено еще где-либо, так и особое, присущее исключительно «Я».

Примечательно следующее: в целом эти акты соответствуют характеристикам, данным М. Хайдеггером Dasein (расположение, понимание и речь). Мыслитель выделяет три узловых момента Dasein: «быть-впереди-себя» – экзистенциальность (сущность Dasein заключается в его экзистенции); «уже-быть-в-мире» – фактуальность (Dasein в каждом случае принадлежит мне, «мое», то есть присущее мне человеческое бытие); «быть-привнутримировом существом» (единство экзистенции двух модусов – аутентичная экзистенция [человек-свободный, выбор, проект] и непод-

линая экзистенция)². Так «быть-впереди-себя» соответствует процессуальности, «уже-быть-в-мире» – определенности и самоопределенности, а «быть-при-внутримировом-сущем» соответствует акту оппозиционности. Данная схожесть позволяет идентифицировать категорию «Я» с Dasein. Сам мыслитель не дает на этот счет никаких комментариев, однако в «Основных проблемах феноменологии» имеется следующее высказывание философа: «То обстоятельство, что деятельные отношения Dasein интенциональны, означает, что способ бытия нас самих, т.е. способ бытия Dasein, по своей сути таков, что это сущее, поскольку оно есть, всегда уже пребывает при наличном. Идея субъекта, который только в своей сфере обладает интенциональными переживаниями и еще не выходит вовне, но заключен в себе как в футляре, – бессмысленное понятие, которое не ухватывает глубинной онтологической структуры того сущего, которое есть мы сами»³. Таким образом, Хайдеггер уподобляет Dasein индивидуально мыслительному началу, деятельность которого заключается в наличной интенциональности. Принципиальное же отличие «Я» от Dasein состоит в том, что «Я» – это сущее, Dasein же не только является сущим, но и обладает особым способом бытия.

Бытийственным значением, свойственным категории «Я» как частному элементу всеобщего мирового процесса, следует считать атрибут процессуальности. М. Хайдеггер в «Бытии и Времени» предлагает следующий тезис: «При удержании фиксированного исследовательского подхода у присутствия (которое в данном случае представляется верным интерпретировать как «Я». – Б.К.) подлежит высвечиванию определенная фундаментальная структура: бытие-в-мире (эту категорию представляется правильным трактовать как бытие «Я» в мире «не-Я». – Б.К.). Это “априори” толкования присутствия – не составленная из кусков определенность, но исходно и постоянно цельная структура»⁴. Именно здесь мыслитель говорит о процессуальности, так как данная «постоянно цельная структура» предполагает существование «присутствия» как процесса. Под процессуальностью в случае процессуальности «Я»

всегда должна пониматься изначально существующая субъекту активность, деятельность, имеющая программу действия, содержание которой составляет изменение, преобразование, совершенствование как окружающего мира, так и самого себя. В данную программу необходимо включены три составляющие: цель, непосредственная деятельность и результат. Как цель, так и результат могут быть явными и не явными для «Я». Однако непосредственная деятельность (и материальная, и идеальная) является компонентом содержания «Я». Деятельность эта осуществляется в контексте пространственно-временных отношений. Поэтому о процессуальности «Я» («присутствия» как процесса) можно говорить как о деятельности, имеющей место и время. Конец процессуальности, соответственно, означает полную аннигиляцию «Я», некую «встречу с небытием». Процессуальность в данном контексте вполне соотносима с древнегреческим термином «chretis», означающим деятельность субъекта, выступающего одновременно и субъектом целеполагания, и субъектом реализации данной цели⁵. Как известно, «chretis» противопоставлялся термину «noietis», который означал деятельность по реализации, привнесенной извне программы (приказа).

Вопрос о возможности привнесения извне программы процессуальности «Я» отсылает нас к идее божественного. Действительно, вполне возможно, что программа деятельности «Я» была привнесена высшим разумом. Такого взгляда придерживается буддизм (жизнь как программа страданий). Однако при этом данная программа составляет непосредственное содержание «Я», и в этой связи «Я» выступает субъектом целеполагания и деятельности. Таким образом, существенным отличием от процесса «noietis» здесь является не привнесенная Богом программа, а принесенное Богом само «Я», которое есть содержание данной программы (что, в принципе, также соответствует буддийской концепции). При атеистическом подходе идея привнесения программы деятельности «Я» (или рождение самого «Я») даже не появляется, и любая деятельность «Я» выступает в качестве древнегреческого «chretis».

Под определенностью «Я» понимается акт постоянного определения «Я» (субъектом) чего-либо или стремление к определяемости всех видимых субъекту процессов и явлений. Это могут быть как элементы «не-Я», так и «не-Я» в целом. Кроме того, это может быть и определение субъектом самого себя, о чем более подробно будет сказано отдельно. М. Хайдеггер пишет о таком свойстве «Я»: «Сущее с характером присутствия есть свое **вот** таким способом, что оно, явно или нет, в своей брошенности расположено. В расположении присутствие (иными словами, *Dasein*. – *Б.К.*) всегда уже вручено самому себе, себя всегда уже нашло, не как воспринимающее себя-обнаружение, но как настроенное расположение. Как сущее, врученное своему бытию, оно всегда вручено и необходимости иметь себя уже найденным – найденным в нахождении, возникающем не столько из прямого искания, но из избегания»⁶.

Интересный и примечательный антропологический анализ возможности существования «Я» без «не-Я» как человека без общества, когда «Я» фактически лишается возможности определять воспринимающих «не-Я», предлагает Ж. Делез в разделе «Мишель Турнье и мир без другого» его «Логика смысла». Рассматривая Робинзона как уникальный персонаж мировой литературы, философ пишет: «... замысел Дефо таков: что станет с одиноким человеком, человеком без Другого на необитаемом острове?»⁷. «Что же происходит, когда другой исчезает в структуре мира? Правит единственно грубое противостояние солнца и земли, невыносимого света и темноты бездны: “краткий закон: все или ничего”. Знаемое и незнание, воспринимаемое и невоспринимаемое непременно и непримиримо сталкиваются лицом к лицу в битве без оттенков: “мое видение острова сведено к самому себе, то, что я в нем вижу, есть абсолютно неизвестное, повсюду, где меня сейчас нет, царит бездонная ночь”»⁸, – рассуждает мыслитель.

В психологии подобная определенность получила название «формы чувственного отражения предмета». Она обнаруживает объект в целом, различает в нем отдельные признаки, выделяет информативное содержание,

адекватное цели действия, а также формирует чувственный образ. Общая картина, получаемая в результате определенности, называется «субъективным восприятием объекта».

Примечательно, что из-за имманентно присущего стремления к определяемости, основываясь на имеющихся фактах (логический путь) или на принципе веры (теологический путь), субъект способен строить ложные умозаключения, принимая их за истинные. Даже не имея должных оснований, но имея стремление к определенности, субъект строит гипотезы, имеющие, подчас, мифологическую основу.

Из значения определенности вытекает другое, свойственное исключительно категории «Я» – значение самоопределенности. Благодаря гуссерлевскому методу стало понятно, что самоопределенность является фундаментальнейшим актом существования индивида. В. Колядко об этом пишет: «Феноменологический метод стремится раскрыть внутреннюю форму любой научной (а шире, логической. – *Б.К.*) операции и показывает, что орудие ее – рефлексия»⁹. Самоопределенность как свойство, присущее только индивидуальному воспринимающему началу, понимается как акт определения субъектом самого себя или стремление к определяемости тех видимых субъекту процессов и явлений, которые являются составляющими «Я». Подобно атрибуту определенности, самоопределенность также обнаруживает объект в целом, различает в нем отдельные признаки, выделяет информативное содержание, адекватное цели действия, и формирует чувственный образ. Только объектом здесь является сам субъект.

Исходя из логических представлений, акт самоопределения может осуществляться тремя путями – через самосознание (путь «*Cogito ergo sum*»), через оппозицию «не-Я» (путь Фихте) и через веру (путь теологии).

Следующее значение «Я» – принципиальная оппозиционность. В. Суханцева в этой связи пишет: «Общество существует только и именно благодаря тому, что исторический человек способен к противостоянию, не революционному, не классовому. Он противопоставляет тем, что осознает себя как “Я”. Человек, осознающий себя в противостоянии,

есть человек культуры. Собственно, быть для человека означает быть в культуре»¹⁰. Такая принципиальная оппозиционность заключается в тотальном противопоставлении себя, своего «Я» всему окружающему, что вынесено за демаркационную линию вследствие акта самоопределенности, разграничивающего «Я» и «не-Я». Причина такой оппозиции с миром обусловлена необходимостью «Я» быть самим собой. «Я», отказывающееся от принципа оппозиционности, теряет свою сущность. М. Бахтин также определяет оппозиционность «Я» всему миру: «Это сознание противопоставляет себя для себя всем другим, как другим для него, свое исходящее я всем другим, находимым, единственным людям, себя-причастного-миру, которому я причастен, и в нем всем другим людям. Я-единственный из себя исхожу, а всех других нахожу, в этом глубокая онтологически-событийная разноточность»¹¹. Р. Рорти выделяет атрибут оппозиционности, анализируя общественные институты: «Нации, церкви или движения являются <...> яркими историческими примерами не потому, что они отражают лучи, исходящие из высшего источника, но из-за эффекта противопоставления – благодаря сравнениям с другими, худшими сообществами. Люди имеют достоинство не как внутреннее сияние, но потому, что на них также распространяется этот эффект противопоставления»¹². Примечательно, что любые общества в своей основе имеют деятельный аппарат, схожий с человеческим. Можно выделить такие компоненты их структур, соответствующих индивиду, как общественное сознание, его механизмы, стремление к развитию, защитные институты, тяга к расширению сфер влияния и т.д.¹³ Таким образом, общественные институты могут быть приближены по своим свойствам к категории «Я».

Вследствие противопоставления себя миру «не-Я», самоопределенности и понимания себя в контексте процессуальности, «Я» выбирает тип отношения к самому себе: к «не-Я» мыслящему и не мыслящему, индивидуальному и коллективному. Отношение к себе может быть позитивным и негативным. Позитивное отношение предполагает у «Я» деятельность, направленную на самосохране-

ние, развитие, удовлетворение собственных потребностей. Любое позитивное отношение предполагает любовь (в данном случае любовь к себе), при этом любовь может носить инстинктивный характер и быть тождественной инстинктивным желанием. Именно любовь вызывает описываемую деятельность (самосохранение, развитие и т.д.). Негативное же отношение «Я» болезненно: «Я», относящееся отрицательно к самому себе, направлено на самоуничтожение, полную аннигиляцию изнутри. Здесь уместна аналогия с дарвинской теорией, когда организм, не способный к существованию, уничтожается, так как он не приспосабливается к условиям существования, оказываясь слабым.

Негативное отношение «Я» к миру «не-Я» также может быть расценено как болезненное, поскольку «Я», направленное против «не-Я», является реакционным. Любая же энергия, ориентированная против существования, так или иначе выступает против позитивной созидательной программы.

Негативное отношение «Я» к индивидуальному «не-Я», которое кажется или может казаться по отношению к самому себе как «Я», болезненным назвать сложно. Причина кроется в том, что в данном случае осуществляется конфликт двух по сути сходных начал. Если цель такого конфликта – использование одним началом другого и не более, то такое отношение не болезненно. М. Бахтин в этой связи пишет: «Высший архитектурный принцип действительного мира поступка есть конкретное, архитектурно-значимое противопоставление я и другого. Два принципиально различных, но соотношенных между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия»¹⁴. Если же конфликт заключается в уничтожении одного из начал, несомненно, такое отношение является болезненным, однако не обязательно в данном случае за ним следует уничтожение такого «Я».

Позитивное же отношение «Я» как к миру «не-Я», так и к «не-Я» индивидуальному предполагает деятельность, целью которой являются развитие и выполнение положительной программы. Такую деятельность «Я»

М. Бахтин описывает так: «Конкретное должествование есть архитектурное должествование: осуществить свое единственное место в единственном событии-бытии, и оно прежде всего определяется как ценностное противопоставление я и другого»¹⁵. «Я», несомненно, всегда противопоставляет себя миру, выходящему за пределы «Я», однако это противопоставление не есть противодействие. «Я», противодействующее миру, в большей степени ущербно, а позитивно настроенное «Я», напротив, несет энергию созидания. Высшее проявление подобной энергии и есть творчество.

Таким образом, категория «Я» имеет имманентные свойства, позволяющие ее идентифицировать. Примечательно, что в оппозиционной системе «Я» – «не-Я» свойства одного компонента являются отражением свойств другого. Так определенность «Я» в случае «не-Я» становится определяемостью, самоопределенность – самоопределяемостью, а активная оппозиционность «Я» становится пассивной оппозиционностью «не-Я». Иными словами, свойства, присущие категории «Я», выполняют активную функцию по отношению к свойствам «не-Я». «Я» является более активным, нежели «не-Я». В целом же свойства анализируемых категорий дают возможность их определения.

Примечания

¹ *Можейко М.А.* Я / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. Минск, 2003. С.1249–1250.

² См.: *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. СПб., 2002.

³ *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. М., 2001. С.90.

⁴ *Хайдеггер М.* Бытие и время. С.41.

⁵ Кстати, творческая разновидность «chretis» в Древней Греции осмысливалась как «graxis».

⁶ *Хайдеггер М.* Бытие и время. С.135.

⁷ *Делез Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. М., 1998. С.398.

⁸ Там же. С.402.

⁹ *Колядко В.* Предисловие / В. Колядко // Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. М., 2002. С.18.

¹⁰ *Суханцева В.* Философия культуры: проблематика и основания / В. Суханцева // XX век: голоса культуры / Отв. ред. В.К. Суханцева. Луганск, 2000. С.9.

¹¹ *Бахтин М.* К философии поступка / М. Бахтин // Философия и социология науки и техники / Отв. ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С.158.

¹² *Rorty R.* Postmodernist bourgeois liberalism: in 2 v. / R. Rorty. Objectivity, Relativism and Truth. Philosophical Papers. Cambridge, 1991. Vol.1. P.63.

¹³ Относительно цивилизаций этот подход был предложен Н.Я. Данилевским, а затем О. Шпенглером.

¹⁴ *Бахтин М.* Указ. соч. С.159.

¹⁵ Там же. С.160.